

Ци Хань, облаченный в безупречно сидящий костюм, среди студентов выглядел совершенно неуместно. Высокий, с холодными чертами лица, он обладал той врожденной статью, из-за которой притягивал взгляды, где бы ни находился.

Несколько омег заметили его еще раньше и, воспользовавшись очередью, подошли поближе.

— Здравствуйте, — один из них наклонился ближе, — вы преподаватель? Никогда вас тут не видели.

Ци Хань продолжал смотреть в телефон, даже не удостоив их взглядом.

Ведущий парень, на вид явно избалованный вниманием, красиво одетый, с высоко поднятым подбородком, не привык к такому обращению. Не сдаваясь, он сделал шаг вперед:

— Учитель, мы же к вам обращаемся, вы даже не...

Фраза оборвалась на полуслове, когда Ци Хань резко поднял взгляд.

В тот же миг в воздухе хлестнула волна его информации — как вспышка молнии, незримая, но сокрушающая.

Невидимая баррикада поднялась между ним и остальными.

Омега мгновенно побледнел, его плечи задрожали под этой давящей, властной энергией.

— Ты... ты не альфа...

— Назад, — отрывисто приказал Ци Хань.

Парень тут же отшатнулся, лицо стало серым от стыда и унижения.

Окинув собравшихся быстрым взглядом, Ци Хань безразлично бросил:

— Перестаньте выбрасывать свои феромоны в мою сторону. Моего партнера от этого тошнит.

Он умел контролировать себя — ни единый импульс не вышел за пределы его тела, вся сила осталась заключенной в защитном поле вокруг него. Он не собирался никого унижать, не пытался давить — даже голос не повысил, говоря настолько тихо, что слышали только они двое.

Но все равно эта жалкая группка подростков, потрясенная до глубины души, стояла, не смея пошевелиться, пока он уходил.

И тут случилось нечто, заставившее их раскрыть рты.

Тот же самый ледяной, безразличный мужчина, который секунду назад буквально раздавил их одной лишь аурой, увидел Фу Гэ — и тут же, забыв обо всем, бросился бегом к нему.

Ци Хань ловко поднес к нему пакет с едой, выжидательно наклонив голову:

— Выбирай.

Затем взял одну из такояки, аккуратно поднес к его губам, а когда Фу Гэ откусил половину, спокойно доел оставшуюся часть сам, совершенно не испытывая отвращения.

От прежней холодности не осталось и следа. Это был тот же человек?!

Глядя им вслед, омега рядом с побледневшим парнем скривил губы и протянул с нескрываемой язвительностью:

— Этот преподаватель, случаем, не рехнулся? Он же мутит со студентом.

— Преподаватель, твою мать, — буркнул тот, закатывая глаза. — Ты слепой? Эти парные кроссы на них стоят больше двухсот лямов. Какой нахрен учитель может себе такое позволить?

Глаза омеги расширились от шока. Он так стиснул зубы, что аж хрустнуло. С ненавистью впившись взглядом в Фу Гэ, он прошипел:

— За одну пару обуви больше, чем стоит дом моей семьи... Неужели он содержанка какого-то толстосума?

— Узнайте, — зло бросил парень.

Фу Гэ, не ведая, что уже стал чьим-то заклятым врагом в чьих-то глазах, с наслаждением уплетал уличную еду — кусочек такояки, затем хрустящий жареный тофу.

Ци Хань, сидя рядом, терпеливо подул на еду, прежде чем поднести её к его губам.

Во рту один за другим разрывались слои вкуса: жевательная упругость осьминога, хрустящая солоноватая оболочка, шелковистая мягкость тофу. Только он успел ощутить их смешение, как перед ним уже появилась трубочка с горячим напитком, а Ци Хань, словно уговаривая

капризного ребенка, протянул:

— Рисовое вино с клецками. Выпей немного, чтоб согреться.

Фу Гэ прыснул от смеха:

— Это не «клецки», а танъюань.

Не споря, он обхватил трубочку губами и сделал пару больших глотков. Теплая сладость разлилась по всему телу, от желудка к кончикам пальцев, заставляя его довольно прикрыть глаза.

Ци Хань смотрел на него и чувствовал, как в груди нарастает что-то теплое, почти щекотное.

— Какой же ты котёнок... вот так легко и доволен?

— Угу, — Фу Гэ с удовольствием выдохнул. — Ах, как же вкусна эта вредная пища... я просто обожаю уличное масло!

Ци Хань, сдерживая смех, потрепал его по макушке:

— Раз в неделю — и ни разу больше. Если узнаю, что ты таскаешь это домой за моей спиной — накажу.

Фу Гэ лишь фыркнул:

— Ага, попробуй догони.

Ци Хань усмехнулся, наклонился к самому уху и прошептал, обдавая кожу горячим дыханием:

— Посмотрим, что ты скажешь, когда я отшлепаю тебя до слёз.

Фу Гэ резко повернулся, глаза хитро заблестели.

— Правда?

— Что — правда?

Маленький бета сложил руки на груди, задумчиво склонил голову:

— Если я сейчас сбегу за еще одной порцией, ты сможешь наказать меня прямо сейчас?

Ци Хань замер.

А затем медленно сжал челюсти, поиграв скулами, глаза потемнели, веки сузились.

Он чуть подался вперед, нависая над Фу Гэ, вместе с движением поднялась и его сила — невидимая, но плотная, как воздух перед грозой.

— Малыш, — голос звучал ровно, но внутри тлел огонь, — если ты ещё раз так меня спровоцируешь, я сделаю так, что ты навсегда запомнишь, почему меня не стоит дразнить.

У Фу Гэ на мгновение пересохло в горле. Он быстро потупился, виновато уткнувшись лбом ему в плечо.

— Ладно, ладно, понял, виноват...

У него был хороший аппетит, но маленький желудок, так что он попробовал всего понемногу, но наелся быстро.

Ци Хань терпеть не мог, когда еду выбрасывали, поэтому без лишних слов доел остатки, затем достал носовой платок и аккуратно протёр Фу Гэ губы и пальцы.

Когда они наконец добрались до общежития, было уже далеко за полдень. В это время его соседи по комнате не были на занятиях, поэтому все торчали в спальне.

Ци Хань постучал два раза, дверь открылась почти сразу.

Парень, увидев его, замер на месте, заметно растерявшись — этот человек точно не выглядел как первокурсник.

— Эм... вы... новенький?

Ци Хань слегка улыбнулся.

— Нет. Я отец новенького.

— А! Вы... брат Фу?!

Шедший позади Фу Гэ на мгновение замер, уголки губ чуть дрогнули в едва заметной усмешке.

Когда Ци Хань, придерживая дверь, пропустил его внутрь, он негромко, будто невзначай, пробормотал:

— Спасибо, братик.

Альфа медленно провел языком по губам. Челюсти зачесались от желания впиться в его шею.

Соседи по комнате оказались дружелюбными. Все они были бета и заранее приготовили для Фу Гэ место — застелили кровать, поставили на его столик кучу снеков.

Разделить еду — первый шаг к настоящей революционной дружбе.

Ци Хань поставил на стол два огромных фруктовых ассорти, купленных по дороге.

— Сяо Гэ только приехал, по-хорошему он должен угостить вас ужином, но уже поздно, боюсь, вам будет неудобно. Так что лучше в другой раз. А пока... Я пополнил всем ваши карты немного, если вдруг соберетесь куда-то вместе, берите его с собой.

Соседи замахали руками, отказываясь, но деньги уже поступили на счета, вернуть их не было возможности. В итоге, смущенно переглянувшись, они приняли этот неожиданный подарок и тут же заверили, что будут за Фу Гэ смотреть, как за родным братом.

Они и не догадывались, что «немного» в понимании Ци Ханя означало по двадцать тысяч на каждого.

Так как Фу Гэ собирался ночевать в общежитии всего один раз, Ци Хань не стал разбирать вещи, просто застелил кровать.

Кровати здесь были низкие, так что даже без усилий он легко дотягивался до самого верха. Несколько движений — и постель была готова.

Когда он обернулся, Фу Гэ сидел в компании соседей и внимательно слушал разговор, только сам почти не говорил — разве что изредка кивал.

Если бы не одно «но».

Его щека слегка надулась, будто он что-то жевал. Опустив глаза, Ци Хань заметил у него в ладони две скорлупки от личи.

Фу Гэ только что съел личи, но в комнате нигде не было мусорного ведра. Разговор между соседями шёл плотной волной, вставить слово было непросто, а потому он так и сидел, молча

держа косточки за щекой, не находя момента, чтобы выплюнуть их.

Ци Хань, наблюдая за этим цирком, едва удержался от смеха.

Подошёл к нему, протянул ладонь.

— Выплёвывай.

Фу Гэ без лишних вопросов выплюнул косточки прямо ему в руку. Ци Хань, как ни в чём не бывало, завернул их в салфетку и только после этого прислонился к его стулу, продолжая слушать беседу.

Настолько естественно, что даже соседи замерли в изумлении.

Один из них, парень с розовыми волосами, наконец не выдержал:

— Сяо Гэ... Твой брат просто слишком хорошо к тебе относится! Совсем не как мой, он только и умеет, что загонять меня на побегушках.

— Ага, у меня тоже! — подхватил второй. — Если бы я осмелился выплюнуть ему косточку в ладонь, он бы оторвал мне голову и запулил её в мусорку!

Ци Хань коротко откашлялся, чувствуя себя неудобно под их пристальными взглядами.

— Просто... Сяо Гэ послушный. Я на него не злюсь.

Ему не хотелось объявлять о своих отношениях, чтобы не создавать Фу Гэ лишних проблем. На входе в кампус он сорвался на того омегу лишь потому, что не мог вынести, как кто-то липнет к его бете.

Но прежде чем он успел что-то добавить, Фу Гэ вдруг взял его за руку.

Легко улыбнувшись, он спокойно произнёс:

— Он мне не брат. Он мой жених. Когда будем играть свадьбу, обязательно вас пригласим.

Ци Хань замер, на мгновение забыв, как дышать. Отправляясь обратно, он всё ещё чувствовал себя так, будто в голове звенит пустота.

— Ты... не обязан был говорить это ради меня.

Фу Гэ лишь улыбнулся, потянул его за шею вниз и, привстав на цыпочки, легко коснулся его губ.

— Я не могу молчать, — шёпотом сказал он. — У меня есть такой потрясающий любимый человек, и мне хочется, чтобы весь мир знал об этом.

Помощник сработал быстро. Когда они спустились вниз, их машина уже ждала у входа в общежитие.

Майбах был заменён на Dodge Ram TRX — чёрного цвета, массивный, как танковая броня, затаившийся в ночи.

Недостаток — этот зверь всё равно привлекал к себе взгляды. Зато у него было одно неоспоримое преимущество — внутри он был настолько просторным, что в нём можно было делать многое...

— Так эта машина, — Фу Гэ скользнул взглядом по массивному кузову, — отлично, я как раз в прошлый раз кое-что оставил внутри и забыл забрать.

— Что именно?

— Хм... пока не скажу.

Ци Хань не стал допытываться.

Просто сел, без лишних слов притянул Фу Гэ к себе, усадив прямо на колени.

Одна рука уверенно скользнула под свитер, погладила его живот.

— Всё ещё полный?

Фу Гэ уютно устроился в его объятиях, обвил шею руками, нырнул лицом в плечо, прижимаясь к нему так же доверчиво, как домашний котёнок, что провожает хозяина на работу.

— Полный, — пробормотал он, зевая, — весь в личи.

Щёкой тёрся о его ключицу, тёплым дыханием задевая кожу.

— А-Хань... мне не хочется, чтобы ты уезжал. Давай... просто возьми меня с собой?

Ци Хань прищурился.

— Малыш, скажи это ещё раз — и я тут же закрою двери, заберу тебя с собой и не выпущу до утра.

Руки сжали его талию, гладили мягкую кожу под тканью свитера. Фу Гэ чуть вздрогнул, голос зазвенел от внезапной прохлады.

— Холодно...

Ци Хань тут же сорвал с себя куртку, закутал его в тёплую ткань, но не перестал ласкать, скользя ладонями по тонкой линии спины.

— Теперь не холодно. Будь хорошим мальчиком... дай мне немного побыть рядом.

Ночь выдалась прохладной, но внутри его объятий было невыносимо жарко.

Тёплые руки на коже. Прикрытые глаза. Изогнутая спина, словно полумесяц. Дрожащие пальцы, что цепляются за ворот его рубашки.

Лёгкий, подавленный вздох.

— Какой же ты чувствительный... неужели уже не выдерживаешь? — голос был тихий, с лёгкой, почти коварной усмешкой.

Фу Гэ крепче прижался к нему, судорожно втянул воздух.

— Н-нельзя... люди... кто-то может пройти...

Во дворе перед общежитием толпились парочки, обнимались, перешёптывались в полутьме.

Теперь они были одной из таких пар. Стёкла машины были затонированы.

Но Ци Хань специально не сказал ему об этом.

— Куда теперь прячешься? — вкрадчиво прошептал он у самого уха. — Где та смелость, с которой ты меня дразнил?

— М-м... — Фу Гэ закусил губу, спрятался у него в плечах, но через мгновение всё равно тихонько всхлипнул:

— Прости... Я... я был неправ...

Ци Хань поднял голову, посмотрел на него сверху вниз.

— Иди сюда.

Фу Гэ уже горел от смущения. В панике огляделся по сторонам, словно ища спасения, и вконец сдался:

— Люди... А-Хань, отъедь подальше, пожалуйста...

Ци Хань холодно улыбнулся.

— Нет. Останемся здесь.

Расслабленно раздвинул пальцы, оставив их лежать на ноге, лениво согнул два в кривом жесте, поманил его ближе.

— Считаю до трёх.

Голос был спокоен.

— Если не подойдёшь сам — я сделаю так, что тебя услышит каждый в этом здании.

Дверца машины словно была волшебным порталом, через который Ци Хань мгновенно переключался.

До посадки в салон — покладистый, преданный, ласковый, как большая домашняя собака. Как только дверь захлопнулась — жестокий, безжалостный хищник.

Фу Гэ думал, что сегодня может позволить себе любую дерзость — ведь он точно знал, что Ци Хань не сможет с ним ничего сделать.

Он не учёл одного: помощник выбрал эту машину.

Самую удобную.

Маленький бета посмотрел на него с жалостью к самому себе, глаза чуть не наполнились слезами — но и это не смягчило альфу. Он задумался, скользнул пальцами по стеклу... и вдруг понял.

Стёкла затонированы.

Поняв, что его никто не увидит, он тут же расслабился, прищурился, как довольный котёнок, и язвительно выдохнул:

— Ага, значит, ты сговорился с помощником, чтобы напугать меня? Вам весело, да?

Ци Хань лениво провёл большим пальцем по его нижней губе, чуть сжимая, грубо поглаживая подушечкой, словно пробовал на вкус.

— А разве не ты сам напросился?

Фу Гэ, теперь уже ничуть не стесняясь, уютно свернулся в его объятиях, поводит носом у его ключицы, чуть улыбнулся:

— А-Хань, я ведь правда купил тебе подарок. Всё забывал забрать. Он всё это время был в этой машине.

— Где?

— Впереди, в бардачке.

Ци Хань, не разжимая рук, открыл отделение. Извлёк оттуда плоскую коробочку из парчи, ловко снял крышку.

Уголки его губ только-только начали подниматься, но в следующий миг резко опустились. Внутри лежала кисть. Идеальной работы, тонкой резьбы, с изящным рельефом на древке.

Но...

Она была без щетины. Она ещё не могла писать.

Пламя, сдерживаемое целый день, вспыхнуло в нём мгновенно. Кровь запульсировала, дыхание стало глубоким, натянутым, словно его держали на цепи, а затем вдруг спустили с поводка.

Стиснув зубы, Ци Хань хрипло выдохнул:

— Это подарок для меня... или для тебя?

Фу Гэ тоже горел.

Но вместо ответа спрятался, зарывшись лицом в его шею.

Молчал долго.

А затем, едва слышно, просил:

— Гэ-гэ...

Он почти плакал.

— Только один раз.

В горле дрожали слёзы, голос ломался в конце фразы.

— Пожалуйста... Только раз... Просто люби меня...

Два одинаковых слова скатились с его губ, пропитанные такой силой, что их вес ударил прямо в самое сердце Ци Ханя, заставив его сердце сжаться, а взгляд потемнеть, как штормовое небо перед бурей.

Аромат белого колокольчика взвился резко, насыщая тесное пространство салона, и загнанный в угол, теряя терпение, он схватил его за шею, рывком подняв с сиденья.

— Я сказал нельзя. Ты что, не понял?

Фу Гэ никогда не видел, чтобы он злился так сильно. Глаза налились тёмно-красным, лицо было мрачнее ночи, а в каждом слове слышался металл. В одно мгновение в нём вспыхнуло смущение, отступило, оставив после себя лишь глухую обиду.

— Прости... Если тебе это неприятно, я больше не буду... Я просто—

— Не в этом дело. — Ци Хань глубоко вдохнул, прижимаясь лбом к его шее, голос опустился до хриплого шёпота. — Послушай меня. Нет таких альф, которым это не нравится. Чем выше уровень, тем мы хуже.

Фу Гэ непонимающе шевельнул губами:

— Но ты всегда отказываешь... Я не знаю, ты...

— Потому что ты слишком послушный. — Он оборвал его, взгляд налился кровью, каждое

слово впечатывалось в пространство, словно забиваемый в кость гвоздь. — Сяо Гэ, твоя безграничная покорность только толкает меня к краю.

По спине метнулась острая волна электричества, мгновенно разлившись по всему телу, сердце ухнуло вниз, забилося так бешено, что заглушило всё вокруг. Он замер, распахнув влажные, пьяно-красные глаза, смотрел прямо на него, не отводя взгляда, и там не было ни страха, ни сомнения — только отчаянное, жадное ожидание.

— А-Хань... Что ещё мне сделать, чтобы ты...

— Все мои трюки... я уже выложил все...

Тишину прорезал тяжёлый, до предела сдержанный вздох, будто он наконец сломался, уступая чему-то неотвратимому. Пальцы сомкнулись на его горле, не причиняя боли, скорее удерживая.

— Скажи мне, чего ты хочешь. Скажи так, чтобы я услышал.

Фу Гэ мгновенно поднял голову, открыл рот, но прежде чем успел вымолвить хоть слово, что-то мягко шлёпнуло по его лицу.

Глухой, едва слышный звук, почти невесомый, словно ветер на коже.

— Говори.

Фу Гэ застыл.

Но через пару секунд кровь взвыла, как волны, сметающие всё на своём пути, и это желание, эта горячая, неукротимая потребность взметнулась с такой силой, какой он прежде не знал.

Ци Хань знал его тело лучше, чем он сам, знал, как мало нужно, чтобы сломать его до основания.

Это даже не удар. Это было ничто — лёгкое касание, небрежное движение ладони, одно лишь эхо звука в воздухе.

Но он уже не мог сдержаться.

— Ты такой грубый...

Слова слетели с его губ тихо, почти заискивающе, с этой беспомощной, нарочито неуклюжей

попыткой выпросить ещё.

Ци Хань взглянул на него без единой эмоции и коротко хмыкнул:

— Теперь ты не малыш.

Он склонился ближе, холодное дыхание скользнуло по его уху, и он прошептал три коротких слова.

Потом вытащил кисть, небрежно расстегнул манжеты рубашки, провёл пальцами по гладкой коже сиденья и, глядя на него сверху вниз, негромко, но властно сказал:

— Подойди. Ложись

<http://bllate.org/book/14453/1278374>